

УДК 1 (091)

DOI:

10.15372/PS202001011

А.С. Зайкова**СКЕПТИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ КРИПКЕ
И ПОЗНАНИЕ СЛОВА ***

Рассматриваются скептический аргумент Крипке и его скептическое решение. На примере исследований того, как познаётся слово, показано, что форма жизни, и в частности простота как один из её протофеноменов, должна являться базовым основанием для конвенционального решения скептического парадокса.

Ключевые слова: скептический парадокс; Витгенштейн; форма жизни; простота

A.S. Zaykova**KRIPKE' S SKEPTICAL ARGUMENT
AND THE COGNITION OF THE WORD**

The paper considers Kripke's skeptical argument and its skeptical solution. The example of studies of how the word is cognized shows that the form of life, and in particular simplicity as one of its proto-phenomena, should be the basis for a conventional solution of the skeptical paradox.

Keywords: skeptical paradox; Wittgenstein; form of life; simplicity

Несмотря на то что с момента публикации работы С. Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» прошло несколько десятков лет, в литературе до сих пор широко обсуждается скептический аргумент Крипке, посвящённый проблеме следования правилу и констатирующий радикальную неопределённость значения. При этом если опустить вопрос о том, какая роль в постановке проблемы принадлежит Витгенштейну, а какая – Крипке, дискуссия сводится к тому, является ли скептический аргумент значимым и если да, то как можно его преодолеть. Традиционно рассматриваются два пути решения:

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 18-311-00113).

© Зайкова А.С., 2020

прямое решение, в котором Крипке выделяет диспозиционное, и решение скептическое – конвенциональное. Крипке утверждает, что приемлемым является только конвенциональное решение, но при этом игнорирует предпосылки, которые могут обосновать существование конвенционального решения и которые являются неотъемлемыми свойствами формы жизни. В этой статье мы доказываем необходимость разделять особенности познания значения слова, которые относятся к коммуникации, и протофеномены, которые и позволяют существовать согласию и критериям согласованности.

Скептический аргумент Крипке и его скептическое решение

По мнению Крипке, скептический аргумент можно обнаружить в следующей цитате Витгенштейна: «Наш парадокс состоял вот в чём: ни один способ действия не мог бы определяться правилом, ибо всякий способ действия можно привести в соответствие с этим правилом» [2, с. 163]. Крипке для демонстрации значимости аргумента приводит в пример правило сложения: обучение сложению на конечном числе примеров предопределяет поведение при сложении в будущих случаях. Так, даже если ранее никогда не производилось сложение $68+57$, можно сделать вычисление и получить 125. Но некий скептик может сомневаться в правильности применения правила и допускать, что подразумеваемый ответ должен быть равен числу 5, поскольку на самом деле вместо плюса всегда подразумевался «квус», который схож с плюсом при сложении пары чисел, каждое из которых меньше 57, и даёт результат 5 в иных случаях.

В этом примере Крипке выделяет две взаимосвязанные формы сомнения [5, с. 18]. При первой спрашивается: имеется ли какой-то факт относительно того, что я подразумевал плюс, а не квус, который ответил бы на его скептический вызов? Вторая форма подразумевает вопрос: есть ли у меня какое-то основание, чтобы быть столь уверенным в том, что сейчас мне следует ответить «125» а не «5»? В итоге Крипке сводит проблему к вопросу, существует ли факт, касающийся того, что именно считающий «подразумевал» под плюсом, который «уполномочивает» считающего произвести последующие действия.

Для этого аргумента возможны два решения: прямое и скептическое. Прямое решение, по мнению Крипке, предполагает, что существует некоторый факт относительно того, что именно подразумевает

считающий, а также что существует некоторое основание, которое определяет дальнейшие действия. Скептическое решение утверждает, что таких фактов или оснований нет, однако это не является проблемой.

Прямым решением могло бы стать диспозиционное. Согласно диспозиционной теории человек действует так, как он предрасположен действовать. То есть существует некоторая диспозиция – предрасположение, которое и определяет поведение при использовании плюса. Крипке критикует эту концепцию: «Если диспозиционист пытается определить, какую функцию я подразумевал как функцию, предопределённую ответом, который я предрасположен дать для произвольно больших аргументов, то он игнорирует тот факт, что мои предрасположенности распространяются только на конечное число случаев» [5, с. 32]. И далее: «Диспозиционная теория, как она сформулирована, предполагает, что подразумеваемая мною функция определяется моей предрасположенностью к вычислению её значений в частных случаях. Фактически это не так. Поскольку предрасположенности покрывают только конечный сегмент общей функции и поскольку они могут отклониться от её истинных значений, два индивида могут соглашаться относительно своих вычислений в частных случаях, хотя на самом деле они вычисляют разные функции. Поэтому диспозиционная точка зрения некорректна» [5, с. 36].

И всё же отвлечёмся от диспозиционной теории и перейдём к скептическому решению, которое Крипке приписывает Витгенштейну. В литературе часто встречается убеждение, что, по мнению Крипке, скептическое решение Витгенштейна полностью сводится к точке зрения сообщества [12], однако это не совсем верно. Крипке обращает внимание на три ключевых понятия Витгенштейна, которые и позволяют перейти от условий истинности к условиям утверждаемости: согласие, формы жизни и критерии. Разберём эти понятия подробнее.

Согласие. «Факт в том, что почти каждый из нас, если оставить в стороне крайние случаи необучаемости и душевного нездоровья, после достаточной тренировки, отвечает приблизительно одними и теми же процедурами в случае конкретных задач на сложение», – пишет Крипке [5, с. 90]. Несмотря на возможные различия в процессе обучения, в итоге мы следуем правилам примерно одинаково и согласованно. Это, с одной стороны, позволяет говорить о том, что есть некоторые основания поступать так, а не иначе, что приводит к представлению о важности формы жизни; с другой стороны, это даёт основания для выявления и построения критериев согласованности.

Формы жизни. «Формы жизни» – один из самых спорных терминов, используемых Витгенштейном. Краткий обзор различных точек зрения на это понятие можно найти у Ф. Тоннера в работе «Витгенштейн о формах жизни: краткое введение» [17]. Тем не менее нам хотелось бы обратиться именно к крипкеанской трактовке. Крипке пишет: «...В качестве части самой нашей формы жизни предполагается, что мы находим естественным и действительно неотвратимым наше следование правилу сложения тем особым способом, которым мы действуем» [5, с. 92]. Эти формы жизни позволяют какие-то способы предполагать более простыми и естественными, чем другие. То же касается и значения слов: по мнению Крипке, слово «зелёный» для нашей формы жизни является более простым для понимания и использования, чем слово «зелубой», и если у нас есть ряд предметов, которые подходят под оба этих термина, по умолчанию вследствие нашей формы жизни будет использовано именно слово «зелёный».

Критерии. Обращаясь к позиции Витгенштейна: «'Внутренний процесс' нуждается во внешних критериях» [2, с. 238], Крипке приходит к выводу, что «внешним критерием внутреннего процесса являются обстоятельства, наблюдаемые в поведении индивида, которые, когда они присутствуют, привели бы других к согласию с его признаниями» [5, с. 94]. Эти критерии позволяют судить о том, следует ли человек правилу, «схватил» ли он его. Здесь популярным примером является «боль»: утверждение, что человек испытывает боль, должно сопровождаться внешними критериями – возгласами, гримасами и прочими элементами поведения, которые являются общими для большинства людей, испытывающих сходные ощущения.

Именно совокупность этих трёх понятий видит Крипке в позиции Витгенштейна, но далее он делает шаг назад, рассматривая все три понятия с исключительно конвенциональной точки зрения. Крипке формулирует скептическое решение так: «...Каждый человек, утверждающий о своем следовании правилу, может быть проверен другими. Другие в сообществе могут проверить, даёт или нет человек, предположительно следующий правилу, частные ответы, относительно которых они подтвердят, что эти ответы согласуются с их собственными. Их способ проверки в общем есть исходная часть языковой игры» [5, с. 95].

Казалось бы, такое решение изящно и логично, однако возникает вопрос: если никто ранее не складывал 57 и 68, то каким образом другие могут проверить, правилен ли этот ответ? Или если при подсчёте

все ошибутся и скажут «115», допустим, вместо «125», то значит ли это, что правильный ответ будет именно 115?¹ Скептическое решение не даёт ответа на этот вопрос.

Познание слова

Среди подходов к исследованию проблемы значения слова в частности и проблемы следования правилу вообще выделяется последовательный метод, который предполагает изучение того, как ребёнок познаёт слова. У. Куайн одним из первых стал рассматривать познание слова как самостоятельную проблему [4]. Он пишет: «Познание слова состоит из двух частей. Первая заключается в ознакомлении с его звучанием и в способности воспроизвести его. Это фонетическая часть, которая достигается путем наблюдения и имитации поведения других людей. С этим процессом, по-видимому, все ясно. Другая часть, семантическая, заключается в познании, как использовать это слово. Эта часть, даже в парадигмальных случаях, оказывается более сложной, чем фонетическая» [6, с. 24]. Однако любое познание, в свою очередь, состоит из двух частей: во-первых, это некоторое явление или совокупность явлений, которые познаются, и, во-вторых, это то, что дает возможность познавать, — некоторые законы, соответствующие некоторой форме жизни и позволяющие из схожих данных делать сходные выводы. Рассмотрим ряд работ, исследующих познание слова, и попробуем проследить, как в них комбинируются эти две части познания.

В первую очередь обратим внимание на «Философские исследования» Л. Витгенштейна. Витгенштейн показывает, что ребёнок не пользуется традиционным разделением значения и смысла. Ребёнок учится «схватыванию» значения слова, употреблению слова в нужном контексте, и на момент обучения первым словам об их значении речь не идёт. «Представляется, будто мы можем разом схватить всё употребление слова». Да мы и говорим, что делаем это. То есть иногда описываем то, что делаем, именно этими словами. Однако в том, что про-

¹ Сложно представить, чтобы все ошиблись в таком простом примере. Однако существует детская загадка, в которой все или почти все ошибаются. Последовательно задаётся ряд вопросов, на которые даётся ответ «белый»: какого цвета снег, какого цвета облака? После этого задаётся вопрос: что пьёт корова? Самый популярный ответ — «молоко».

исходит, нет ничего поразительного, ничего странного. Станным это становится в том случае, когда склоняет нас к мысли, что будущее развертывание уже каким-то образом должно присутствовать, а между тем не присутствует в акте понимания. Говорим же мы, нисколько не сомневаясь, что понимаем это слово, а между тем его значение заключено в его употреблении» [2, с. 161].

Витгенштейн показывает, что ребёнок, начиная говорить, вступает в некоторую языковую игру и действует, исходя из своего неотрефлексированного понимания этой игры. Справедливость слов Витгенштейна мы можем наблюдать вокруг себя регулярно, в том числе замечая забавные ситуации. Так, убедившись, что слово «мама» обращает на себя внимание значимого взрослого, ребёнок в возрасте от года до двух лет может пытаться обратить на себя внимание любого значимого взрослого словом «мама». Что является ещё более удивительным, так это то, что после безуспешной попытки скорректировать употребление слова «мама» у ребёнка, все значимые взрослые принимают правила языковой игры, навязанной ребёнком, и реагируют на неправильное использование этого слова так, будто оно является правильным. Тем не менее попытки исправить положение дел обычно не прекращаются, и к возрасту трёх лет все дети используют слово «мама» согласованно с представлением окружающих людей.

Таким образом, даже при отсутствии нужного понимания может иметь место некоторая языковая игра. Витгенштейн пишет: «Термин "языковая игра", призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни» [2, с. 326]. В дальнейшем он демонстрирует пример такой деятельности при попытке объяснить слова «единообразный» или «регулярный»: «Так, в процессе этого обучения я покажу ему одинаковые цвета, одинаковые длины, одинаковые фигуры, заставлю его находить их, делать их и т.д. Я научу его, например, тому, как по заданию продолжать "однородный" орнамент. И тому, как продолжить прогрессию» [2, с. 164]. Однако такой подход предполагает, что для обучаемого и обучающего два цвета могут быть одинаковыми, как и длины, и фигуры, и что обучаемый в принципе может понять концепцию «одинаковости». Если для появления соответствия между словом «единообразный» и некоторым концептом необходима некоторая практика, то сама возможность появления такого концепта касается уже формы жизни.

У. Куайн, исследуя процесс познания слова, обращается к натурализму, т.е. пытается проникнуть в вопрос, какие натуралистические

основания имеются для того, чтобы понимать значения слов и согласовывать наши представления о них. Он реконструирует процесс познания слова через стимулы и предложения наблюдения как в доисторическом смысле, так и применительно к настоящему времени, при включении ребёнка в языковое сообщество. Та часть языкового сообщества, с которой ребёнок непосредственно контактирует в процессе познания, даёт ему обратную связь, позволяя продвигаться вперед и убеждаться в верности тех или иных заключений в конкретном контексте, при определённых обстоятельствах или в рамках конкретного концептуального каркаса. «Если две сцены вызывают перцептуально сходные глобальные стимулы у одного очевидца, они, как правило, оказывают такое же воздействие и на другого. ... Исходные стандарты... прививаются посредством естественного отбора и имеют тенденцию к гармонии внутри стаи благодаря общим корням и окружающим условиям. ... Сами звуковые сигналы и язык способствуют упорядоченности. Случайные отклонения среди индивидов устраняются при восприятии сигналов друг от друга» [7, с. 41]. Представления о схожести перцептуально сходных глобальных стимулов Куайна весьма близки к представлениям о форме жизни Витгенштейна.

Х. Патнэм тоже обращается к процессу познания: «Какая бы концепция ни принималась, когда ребенок учится использовать слово “стол”, происходит сложное связывание (ассоциация) этого слова с некоторыми ментальными явлениями (согласно современным воззрениям, не все из них осознаются)» [15]. Но это также подразумевает схожесть ментальных явлений у разных детей, которые учатся использовать слово «стол» в схожих ситуациях, и, кроме этого, концептуальную возможность ассоциации. Патнэм, как и Крипке, обращается к языковым сообществам, но предлагает помимо «точки зрения сообщества» гипотезу об универсальности разделения лингвистического труда: «В каждом лингвистическом сообществе имеет место ... разделение лингвистического труда, то есть в любом таком сообществе используется хотя бы несколько терминов, с которыми связаны “критерии”, известные только одной подгруппе носителей языка, употребление этих терминов остальными людьми предполагает их сотрудничество с носителями языка из соответствующих подгрупп» [9, с. 180–181]. Действительно, если для определения применимости слова «боль» существуют критерии, доступные всем или по крайней мере большинству людей, то биологические виды определяют биологи-систематики. Патнэм указывает, что эти критерии разрабатывают эксперты языково-

го сообщества, мнение которых о значении того или иного слова является главенствующим. «Среднему» носителю языка, не являющемуся экспертом, не всегда доступны более или менее чёткая фиксация экстенционала и, в результате, даже осознанная рефлексия по поводу значения слова.

Обращаются к практике обучения правилу также и Е.В. Борисов [1] и К.А. Родин [11], которые делают вывод, что обучение практике и есть обучение правилу, поскольку само правило тесно связано с практикой его применения. Они рассматривают утвердительно-вопросительное предложение Витгенштейна: «309. Правило и эмпирическое суждение сливаются друг с другом?» – и приходят к выводу, что «как предложение не может высказываться о самом себе, так и правило не может быть выражено посредством “правила”» [11, с. 52]. Похожую мысль высказывает В.Ю. Кузнецов, рассматривая концепцию социальных эстафет М.А. Розова: «...Отсылка к правилам сама тоже включается в практики действия» [8, с. 111]. Эта концепция основана на идее о том, что главным объектом познания является человеческая деятельность: «Представьте себе, – пишет М.А. Розов, – что вы указываете маленькому ребенку, еще осваивающему язык, на яблоко и говорите: “Это яблоко”. Опыт показывает, что ребенок после этого может назвать яблоком или “обоком” не только яблоко, но и яйцо, и зеленый карандаш... Он при этом совершенно прав, так как все эти предметы похожи на яблоко по тем или иным признакам. Ребенок умеет подражать, но еще не способен воспроизводить образцы словоупотребления. Это разные вещи. У ребенка просто нет достаточно богатого контекста. Почему взрослый человек способен использовать подобные остенсивные определения? Да потому, что он владеет достаточно богатой лексикой и у него применительно к данному случаю есть такие обозначения, как “яйцо” или “зеленый карандаш”. Эстафеты словоупотребления как бы ограничивают друг друга, формируя для каждой из них свою сферу референции. Устанавливается некоторое динамическое равновесие. Воспроизведение человеческой деятельности или поведения по непосредственным образцам я и называю социальными эстафетами» [12, с. 202].

Таким образом, подход к поиску значения слова через изучение процесса познания слова является неизменной частью большинства исследований значения слова. При этом всегда можно выделить две части исследования: во-первых, это изучение самого процесса коммуникации; во-вторых, это поиск непосредственных оснований того, что

люди в принципе способны понимать друг друга и следовать правилам схожим образом.

Схватывание значения как интерполяция

М. Куш, рассматривая схватывание как экстраполирование, утверждает: «Поскольку наборы примеров, используемых в обучении, всегда конечны, схватывание значения является экстраполяцией» [13, с. 214]. Однако в дальнейшем он пишет, что согласно детерминизму значений «смыслообразующее психическое состояние содержит и определяет все будущее, потенциально бесконечные, правильные применения» [13, с. 215]. Но разве можно утверждать, что зная правила сложения, мы сможем складывать и числа, написанные в шестнадцатеричном формате? Можно было бы уточнить, что изначально мы рассматриваем только десятичную запись. Но тогда пришлось бы уточнять и то, что это не относится к алгебраическому кольцу, и то, что это не распространяется на стоимость обеда в ресторане, если мы выбираем бизнес-ланч. Каждый раз, когда мы применяем некоторое правило к новому примеру, происходит процесс экстраполяции, но зачастую он происходит так быстро, что просто не осознаётся. При этом чем проще правило, тем проще его экстраполировать. Здесь можно вспомнить пример Гудмена, упоминаемый Крипке: зелубой цвет Гудмен определил как зелёный, который в некоторый момент превращается в голубой [3]. Однако согласно принципу самоидентичности зелёный цвет является более простым концептом, нежели голубой цвет, и, следовательно, если нет причин для обратного, говорить про зелубой цвет смысла нет. Но для некоторых случаев простого правила не существует. К примеру, термин «зелубой» не является простым, и для него нужно сложное правило. В этом случае часто сложное правило определяется через комбинацию простых. Наглядным примером может быть обучение сложению через обучение счёту: новое правило представляется как некоторая комбинация уже известных более простых правил.

Критерий простоты рассматривался и самим Крипке, но Крипке в первой части своей работы отзывался о нём весьма резко: «Простота рассмотрений была бы уместна против скептика, который доказывает, что опосредованность нашего доступа к фактам подразумевания и намерения как-то предотвращает нас от познания того, что же мы подразумевали, плюс или минус. Но такой простой эпистемологический скеп-

тицизм не обсуждается. Скептик не доказывает, что наша собственная ограниченность на доступ к фактам предотвращает нас от познания чего-то скрытого. Он утверждает, что всеведущее существо, имеющее доступ ко всем наличным фактам, всё же не обнаружило бы какой-то факт, который устанавливает различие между плюс-гипотезой и минус-гипотезой. Такое всеведущее существо не имело бы ни потребности, ни пользы от простоты рассмотрений» [5, с. 41–42]. Но сам же Крипке обращается к идее формы жизни, предложенной Витгенштейном: «Можем ли мы вообразить формы жизни иные, нежели наши собственные, т.е. можем ли мы вообразить создания, которые следуют правилам причудливыми ккусоподобными способами? ...В качестве части самой нашей формы жизни предполагается, что мы находим естественным и действительно неотвратимым наше следование правилу сложения тем особым способом, которым мы действуем» [5, с. 92]. Таким образом, хотя существование простоты как универсального метафеномена остаётся спорным, она является неотъемлемым признаком формы жизни, описанной Витгенштейном, наряду с нейрофизиологическими особенностями в качестве протофеномена [2, с. 253].

Несмотря на общую форму жизни с общими протофеноменами, различия при следовании правилу могут быть поразительными. Здесь можно вспомнить пример Д. Льюиса [14] с телефонным звонком: если при телефонном разговоре звонок прерывается, то при обоюдной попытке перезвонить соединение не удастся, равно как и при отсутствии попыток с обеих сторон. Для успешных соединений можно найти ряд различных обоснований (перезванивает тот, кто звонил первый, или тот, кто младше). Тем не менее набор успешных соединений формирует некоторую конвенцию, которую подкрепляют новые успешные результаты. По Витгенштейну, правило живёт практикой его применения и согласие языкового сообщества с подобным применением является решающим. Крипке, несмотря на упоминание формы жизни и присущих ей особенностей, попытался свести всё скептическое решение к реакции сообщества. Однако сообщество выполняет обучающую и контролирующую роли, но без присущих форм жизни особенностей эти роли было бы просто не к чему применять. Именно комбинация форм жизни, критериев и согласия порождает успешную практику. А как писал Витгенштейн, «разве что-нибудь способно оправдать уверенность лучше, чем успех?» [2, с. 189].

Подведём итоги. Крипкеанская радикализация скептицизма Витгенштейна привела к тому, что Крипке и его последователи² упустили из виду важнейший метод и важнейшие понятия Витгенштейна, включая те, которые и сам Крипке полагал значимыми. Исследование проблемы значения слова немыслимо без исследования познания значения слова. Попытки полностью отстраниться от формы жизни и присущих ей нейрофизиологических и иных особенностей выглядят удручающе. К счастью, это касается только небольшой части работ, посвящённых исследованию значения слова. Прагматизм Патнэма и натурализованная эпистемология Куайна достойно держат ответ. И всё же при дальнейших разработках теорий значения слова следует различать те особенности познания значения слова, которые относятся к коммуникации, и те, которые являются неотъемлемыми свойствами формы жизни.

Литература

1. Борисов Е.В. Проблема Крипке и ее прямое решение // Вестник Том. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Политология. – 2010. – № 4 (12). – С. 5–14.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
3. Гудмен Н. Факт, фантазия и предсказание. Способы создания миров. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 376 с.
4. Зайкова А.С. Л. Витгенштейн и У. Куайн о познании слова // Философия науки. – 2019. – № 1 (80). – С. 85–95.
5. Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке / Пер. В.А. Ладова, В.А. Суровцева; под общ. ред. В.А. Суровцева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 152 с.
6. Куайн У.В.О. Онтологическая относительность // Современная философия науки. – М., 1996. – С. 23–36.
7. Куайн У.В.О. От стимула к науке. – М.: Канон, 2016. – 192 с.
8. Кузнецов В.Ю. Проблема следования правилу и концепция социальных эстафет // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Т. I, № 3. – С. 105–125.
9. Патнэм Х. Значение «значения». Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 164–234.
10. Родин К.А. К вопросу о статусе проблемы правилосообразности // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 4 (20). – С. 46–52.
11. Розов М.А. Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет // Epistemology & Philosophy of Science. – 2011. – Vol. 29, Iss. 3. – P. 200–225.
12. Суровцев В.А., Ладов В.А. Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 136 с.

² Примером такой радикализации может выступать подход П. Сибрайта [17].

13. *Kush M.* John Searle's Philosophy of Language: Force, Meaning, and Mind. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – P. 143–168.
14. *Lewis D.* Convention: A Philosophical Study. – Cambridge: Harvard University Press, 1969. – 213 p.
15. *Putnam H.* Introduction // Putnam H. Realism and Reason. – Cambridge: Harvard University Press, 1983. – P. VII–XVIII.
16. *Seabright P.* Explaining cultural divergence: A Wittgensteinian paradox // The Journal of Philosophy. – 1987. – Vol. 84, No 1. – P. 11–27.
17. *Tonner P.* Wittgenstein on forms of life: a short introduction // E-Logos Electronic Journal for Philosophy. 2017. – URL: <https://doi.org/10.18267/j.e-logos.440> (Дата обращения: 10.09.2019).

References

1. *Borisov, E.V.* (2010). Problema Kripke i ee pryamoe reshenie [Kripke's problem and its direct solution]. Vestnik Tom. gos. un-ta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Bulletin of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology and Political Science], 4 (12), 5–14.
2. *Wittgenstein, L.* (1994). Filosofskie issledovaniya [Philosophical investigations]. In: Wittgenstein, L. Filosofskie raboty [Philosophical Works]. Moscow, 612. (In Russ.).
3. *Goodman, N.* (2001). Fakt, fantaziya i predkazanie. Sposoby sozdaniya mirov [Fact, Fiction, and Forecast. Ways of Worldmaking]. Moscow, 376. (In Russ.).
4. *Zaykova, A.S.* (2019). L. Vitgenshteyn i U. Kuayn o poznanii slova [L. Wittgenstein and W. Quine about knowing the word]. Filosofiya nauki [Philosophy of Science], 1 (80), 85–95.
5. *Kripke, S.A.* (2005). Vitgenshteyn o pravilakh i individualnom yazyke [Wittgenstein on Rules and Private Language]. Transl. by V.A. Ladov & V.A. Surovtsev; ed. by V.A. Surovtsev. Tomsk, Tomsk University Publ., 152. (In Russ.).
6. *Quine, W.V.O.* (1996). Ontologicheskaya otnositelnost [Ontological Relativity]. In: The Journal of Philosophy. Moscow. (In Russ.). P. 23–36.
7. *Quine, W.V.O.* (2016). Ot stimula k nauke [From Stimulus to Science]. Moscow, Kanon+ Publ., 192. (In Russ.).
8. *Kuznetsov, V.Yu.* (2017). Problema sledovaniya pravilu i kontseptsiya sotsialnykh estafet [The problem of rule-following and the concept of social relays]. Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. The Journal of the Higher School of Economics], Vol. 1, No. 3, 105–125.
9. *Putnam, H.* (1999). Znachenie "znacheniya" [The meaning of "meaning"]. In: Putnam, H. Filosofiya soznaniia [Philosophy of Mind]. Moscow, 164–234. (In Russ.).
10. *Rodin, K.A.* (2012). K voprosu o statusе problemy pravilosoobraznosti [On the value of the rule-following problem]. Vestnik Tom. gos. un-ta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Bulletin of Tomsk State University. Series: Philosophy, Sociology and Political Science], 4 (20), 46–52.
11. *Rozov, M.A.* (2011). Problema obyekta poznaniya v kontekste teorii sotsialnykh estafet [The problem of the object of cognition in the context of the social relays theory]. Epistemology and Philosophy of Science, 29 (3), 200–225.
12. *Surovtsev, V.A. & V.A. Ladov.* (2008). Vitgenshteyn i Kripke: sledovanie pravilu, skepticheskiy argument i tochka zreniya soobshchestva [Wittgenstein and Kripke: adherence to the rule, the skeptical argument and view of the community]. Tomsk, Tomsk University Publ., 136.
13. *Kusch, M.* (2010). Kripke's Wittgenstein, on certainty, and epistemic relativism. In: Whiting, D. (Ed.). The Later Wittgenstein on Language. Palgrave-Macmillan, 213–230.

14. *Lewis, D.* (1969). *Convention: A Philosophical Study*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 213.
15. *Putnam, H.* (1983). Introduction. In: Putnam, H. *Realism and Reason*. Cambridge University Press, VII–XVIII.
16. *Seabright, P.* (1987). Explaining cultural divergence: A Wittgensteinian paradox. *The Journal of Philosophy*, Vol. 84, No. 1. – P. 11–27.
17. *Tonner, P.* (2017). Wittgenstein on forms of life: a short introduction. *E-Logos Electronic Journal for Philosophy*. 2017. Available at: <https://doi.org/10.18267/j.e-logos.440> (date of access: 10.09.2019).

Информация об авторе

Зайкова Алина Сергеевна – младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: zaykova.a.s@gmail.com)

Information about the author

Zaykova Alina Sergeevna – the junior scientific worker, the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: zaykova.a.s@gmail.com)

Дата поступления 06.02.2020